

Караваев, Владимир Григорьевич

Беларусь, Минск

Октябрь 2006 г.

Обществу КОНТАКТЫ

Уважаемые руководители общества КОНТАКТЫ!

Ваше письмо от 20-го июня 2006 г. я получил 29 июня. Искренне благодарю Вас за внимание ко мне и материальную помощь. Я очень высоко ценю Вашу высоконравственную инициативу, Ваши бескорыстные хлопоты по налаживанию контактов с бывшими советскими военнопленными, перенесшими фашистско-военный плен. По существу – Вы стремитесь сохранить многовековое взаимовыгодное сотрудничество немецкого и русского государств и народов, как и надлежит великим державам. Может быть, звучит высокопарно, но наши государства и народы должны жить в мире и дружбе и не допустить повторения войны.

Но сперва несколько слов о себе.

Я, Караваев Владимир Григорьевич, родился 15.09.1921 г. в д. Доронино, Угличского района, Ярославской области, русский. Отец поручик царской армии, участник Октябрьской революции на стороне большевиков, был избран в солдатский комитет, а затем бы учителем, в 1936 г. умер. Мать – домашняя хозяйка, детей было семеро.

К несчастью отец бы незаконно репрессирован, сослан на поселение на пять лет, там заболел, а потому и рано умер. Ввиду тяжелого материального положения в 1931-1932 гг., я подрабатывал помощником пастуха. В 1933 г. поехал в Москву к тетке, которая работала дворником, а в 1934 г. знакомые филантропы меня устроили в Московский камерный театр в гримерный цех, где я стал помощником мастера, в 1939г. окончил 7 класс. Немецкий язык учил в 5-7 классах. Учительница Евгения Ивановна Гек, немка, настолько была красивой и хорошим преподавателем, что все мальчики были в неё влюблены, а на её уроках никто не смел пикнуть. И никто не замечал, что у неё вместо правого предплечья культя. Я и сейчас вижу её стройную и красивую, как она левой рукой очень красиво пишет на доске.

В марте 1941 г. призван в РККА, в должности наводчика 112 мм пушки-гаубицы, в звании сержант выехал на фронт 30 июня 1941 г. В начале июля наш дивизион разгрузили под г. Оршей. Мы сразу попали в гущу немецких войск, и в условиях неорганизованного отступления, малыми группами мы попали в немецко-фашистский плен под Чаусами Могилевской области, в августе 1941 г. Нас отвезли в лагерь под открытым небом, просто на луг, под Могилёвом. Три дня не давали есть. Я сразу решил бежать, а для этого пошел на отправку куда-то первым же транспортом. Привезли в тюрьму г. Борисова, где также не кормили, спали на мокром асфальте во дворе тюрьмы. И опять с первой же партией я пошел на отправку. Привезли в Минск и прогнали по всему городу, а затем под Минск, в бывший военный городок около деревни Масюковщина. Этот лагерь назывался тогда „Фронт-Шталаг 352“. Здесь военнопленные размещались в деревянных бараках, питание состояло из куска хлеба, бывало с опилками, приблизительно 200 гр., и два раза в день по черпаку перловки. К бараку в бочках подносили эту водяную перловку, черпаком была крышка от солдатского

котелка, а перловка из бочки переваливалась в ванну, установленную на улице, прямо на земле.

Надеясь на побег и возвращение в Красную Армию, я постоянно стремился попасть на работу вне лагеря или на работу внутри лагеря, чтобы раздобыть хотя бы кроху питания. Однажды меня взял немец, и привел в комендатуру лагеря. Дал задание быть истопником, уборщиком. В общем разнорабочим. Поселили в комнатке при комендатуре. В феврале 1942 г. немцы перевели меня на такую же работу в сапожные, портняжные мастерские и прачечную для военнопленных. Никаких других работ я не выполнял. Первый комендант лагеря Остфельд, высокий, подтянутый человек интеллигентного вида, второй – майор Липман, типичный „пивник“, ниже среднего роста, полный с красным лицом. Моим начальником в комендатуре был майор Рупперт из Франкфурта-на-Майне, он мне давал адрес, т.к. многих военнопленных вывозили в Германию, на каторгу. Он говорил мне, что читал „Пучкина“ и Достоевского, а я ему, что я читал Шиллера, Гёте и Гейне. Мастер сапожной мастерской ефрейтор Бремикер, с заячьей губой, тоже не позволял себе что-нибудь зверского, также как и вермайстер, приехавший из Африки, по-видимому, из войск Роммеля. Переводчики в лагере были Хольцман и Миллер. Все бараки были изолированы друг от друга колючей проволокой, охранники ходили с собаками, а весь лагерь был окружен вышками с пулеметами.

Однако побег из лагеря всё-таки были, мы об этом узнавали из лагерных приказов, которые оглашались по лагерной радиосети. Казнены столько, то через повешение, иногда видели трупы военнопленных расстрелянных на проволоке.

Осенью 1941 г. я увидел небольшую колонну изможденных престарелых евреев, которые едва передвигались на выход из лагеря. Один из них не мог идти и поэтому отстал. Подошел конвоир, выстрелил ему из пистолета в ухо и оставил труп в кювете. Поскольку мне из окна было видно дорогу, то я видел, как вывозили трупы военнопленных. В двуколку, вместо лошади, запрягались военнопленные и везли в этой телеге около пяти трупов в ров за воротами лагеря. Ещё в августе трупы сопровождал немецкий солдат-инвалид, теперь же даже был случай, не умершего вывезли за ворота лагеря и он голый вернулся.

В это же время я попал в один из барачков. В нем не было никакой мебели, на полу лежали полуживые красноармейцы, они не могли встать, а умерших держали рядом, поднимали их руку, чтобы получить еще пайку хлеба. Именно в эти дни ноября, декабря 1941 г. мне пришла в голову мысль подсчитать количество двуколок с трупами, вывезенных за день: их оказалось около 20-ти, а это около ста трупов. Думаю, что я ошибаюсь немного, т.к. всего немецко-фашистские захватчики только в этом, 352-ом лагере за три года замучили, убили голодом и холодом 74 тысячи человек, о чём вырублено в граните мемориала концлагеря немецко-фашистских нелицей №352.

В силу своей молодости и доверчивости я не боялся обращаться к немцам. В октябре 1941 г. я попросил одного охранника, чтобы он ночью пропустил меня через колючую проволоку за лагерь. Он обещал, но потом исчез. Это была первая, но неудачная попытка. Я постоянно поддерживал дружеские отношения с теми красноармейцами, которые, как и я ни на минуту не допускал мысли о победе фашистов. Мне в голову не приходила мысль об этом. Наоборот мы жили надеждой: либо побег в партизаны, либо, если доживем, освободит Красная Армия.

Мне было нестерпимо стыдно, что на фронте наши погибают, а я как дезертир. Поэтому связавшись и подружившись с красноармейцами, и среди них с Павлом Тимохиным, я надеялся совершить побег, т.к. знал, что он входит в группу, готовившую побег. И он совершился в марте 1942г., но к несчастью мне не удалось к ним присоединиться, из-за лагерного режима. Однако к тому времени у меня были контакты с другой группой побега, работающей в авторемонтных мастерских. Эта группа смогла подготовить две танкетки и угнать их из лагеря весной 1943г. Была у нас через эту группу и связь с партизанами, благодаря которой, выйдя из лагеря вчетвером под охраной одного конвоира в мае 1943 г. мы втроем сумели убежать, одного, четвертого убили.

Не все немцы были извергами-фашистами. В октябре 1941г. конвоир по имени Фриц приносил нам кусочки хлеба и говорил :“Если бы Гитлер не напал на вас, то еще, может быть, продержался бы года три. А теперь ему капут“. Другой солдат говорил: „По мне все равно, пусть бы Сталин и Гитлер, сошлись, и кто кого побьет, тот и будет начальник“. Ко мне в комнату дворника подселили незнакомого военнопленного, чтобы вдвоем топить печи. Вдруг он исчез. Я спросил Миллера: куда исчез второй истопник? Он ответил: „Но еврею не можно работать в комендатуре“. Меня окрестили „еврейским командиром“, проверили на обрезание, но не тронули. В декабре 1941г. я заболел : высокая температура, озноб, головные боли. Но меня не выкинули из комнаты, а совершенно незнакомый немец-военный, наверное, еврейтор, 3 дня приносил какую-то жидкость, давал выпить по полстакана и я поправился.

Осенью же 41 г. меня направили помощником кочегара центрального отопления дома в котором жили немцы. Однажды, в окне котельной, которое было на уровне земли, мы увидели котелок на шнурке. Мы моментально опорожнили его, и он уплыл. Как сейчас помню, в котелке была тушеная зеленая фасоль в стручках и соусе. И так было несколько раз. А когда было темно, наш «инкогнитовый» кормилец стучал по трубам отопления, котелок моментально опорожнялся и уплывал наверх.

Ещё был случай. Пытаясь использовать всякую возможность для побега, я как-то сумел попасть в грузовую машину с ещё одним грузчиком, для поездки в Минск, на военные склады, где хранились горы кирзовых голенищ от советских сапог для ремонта обуви военнопленным. Охранник сидел в кабине, но всё время смотрел на нас, кроме того в Минске было немало немцев на улицах. Поэтому мы не решились прыгать с машины, находясь под прицелом. Когда же мы проезжали по главной улице Минска, навстречу двигалась груженная машина. Когда она поравнялась с нашей, из неё тоже военнопленные кинули бутылку водки 0,5 минского завода. Как она не разбилась – до сих пор не пойму. Но главное – то в том, что охранник не сдал нас в гестапо. А поскольку это было 7 ноября 1942 г., то 27-ю годовщину Великого Октября в условиях концлагеря, мы встретили с вином.

В партизанских отрядах бригады Щорса я был командиром отделения, взвода и комиссаром отряда. Проводил антигитлеровскую пропаганду, принимал партизанскую присягу, принимал участие в организации приёма в лесу сводки «Совинформбюро» по радио, печатал её на пишущей машинке и распространял среди партизан и населения, участвовал в разгроме полицейского «Душково», гарнизона СС «Тарасово» и в рельсовой войне. Бригада действовала на территории Дзержинского, Минского и Заславльского районов Минской области. Здесь же мы встретили и помогали наступающей Красной Армии в июле 1944г.

Я награжден орденом «Отечественной войны» второй степени, медалями «Партизану Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», а так же юбилейными медалями и медалью «Ветеран труда». В августе 1944 г. Белорусским штабом партизанского движения я был направлен на работу по восстановлению г. Минска. Здесь я встретил знакомую мне по партизанскому отряду девушку, на которой женился. Детей у нас не было. Сейчас помогают племянники. Вместе с направлением на работу в Минск, я получил в штабе зарплату за службу в Красной Армии и в партизанском отряде и за время пребывания в плену – 13 тысяч рублей. А также личный подарок от У.Черчилля – костюм, а от Ф.Рузвельта отрез на костюм.

Совмещая работу с учебой в 1948 г. окончил 10 классов вечерней школы рабочей молодежи, поступил в Минский медицинский институт, окончил его в 1954 г. Стал врачом-рентгенологом и проработал в рентгенкабинете 49 лет, преподавал рентгенологию в мединституте 32 года, кандидат медицинских наук. Выражаю ещё раз свою огромную благодарность руководству и всем членам общества «Контакты» за внимание и материальную помощь. Прошу великодушно простить меня за поздний ответ вследствие того, что я долго находился в больнице по поводу тяжелого заболевания.

Привет и наилучшие пожелания всем членам общества «Контакты».

Всё это я написал по памяти. Если Вас заинтересует источники конкретных данных, то кое-что я могу прислать.

(Караваев В. Г.)

